

Научная статья

УДК 14:323.1

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.1>

Понятие «политической нации» и «этнически фреймированные» конфликты в экономической парадигме политического

Артем Левушович Алавердян¹, Константин Геннадьевич Мальцев²

^{1,2}Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия

¹arti-medwed@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5363-9447>

²maltsevaannav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>

Аннотация. Форма и интенсивность национальных конфликтов, характерных для современности, выявили недостаточность господствующего со второй половины XX в. способа представлять нацию и национальное в модернистских теориях нации. Ревизия концептуальных оснований модернистских теорий представляется невозможной в контексте либеральной метафизики и экономической парадигмы политического; единственный возможный способ модернизации общепринятого понимания нации как «гражданской ассоциации» – радикализация модернистского подхода в направлении «окончательного снятия» «остатков» натурализма. Конструктивизм предлагает произвести ревизию понятия групповой идентичности, что позволяет свести национальный конфликт к индивидуальным интересам автономных индивидов, национальная принадлежность которых рассматривается как результат их свободного выбора и может быть переопределена.

Ключевые слова: нация, политическая нация, национально фреймированный конфликт, когнитивистский подход, конструктивизм, модернистские теории нации, социальная группа, идентичность

Для цитирования: Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Понятие «политической нации» и «этнически фреймированные» конфликты в экономической парадигме политического // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5. С. 13–18. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.1>

Original article

The concept of a political nation and ethnic-framed conflicts in the economic paradigm of a politic

Artem L. Alaverdyan¹, Konstantin G. Maltsev²

^{1,2}Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

¹arti-medwed@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5363-9447>

²maltsevaannav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>

Abstract. The form and intensity of national conflicts characteristic of modernity revealed the inadequacy of the dominant method to represent the nation and the national in the modernist theories of the nation. Revision of the conceptual foundations of modernist theories seems, for the reasons identified in the study, impossible in the context of liberal metaphysics and the economic paradigm of the politic. The only possible and available way to modernize the generally accepted understanding of the nation as a civic association is to radicalize the modernist approach in the direction of finally removing the remnants of naturalism. Constructivism (R. Brubaker) suggests, relying on cognitivism, to revise the concept of group identity, to represent the group without groups, which allows us to consider the national conflict as ethnically framed, to reduce it into a series of completely private social conflicts (downsize the conflict), and ultimately to the interests of autonomous individuals, whose nationality is seen as a result of their free choice and can be redefined.

Keywords: nation, political nation, nationally framed conflict, cognitive approach, constructivism, modernist theories of the nation, social group, identity

For citation: Alaverdyan A.L., Maltsev K.G. The concept of a political nation and ethnic-framed conflicts in the economic paradigm of a politic // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 5. P. 13–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.1>

С конца 90-х гг. XX в. наблюдается повсеместный рост количества и повышение интенсивности национальных конфликтов (вплоть до национальных войн и геноцида) не только на периферии «цивилизованного мира», но и в самой цитадели «демократии и толерантности», в Европе (Альтерматт [1]). Примечательно то, что явный политический вызов не находит соразмерного от-

вета: ни как пересмотр целей и инструментов национальной политики, ни концептуально: модернистским теориям нации и национального, безраздельно господствующим в социально-гуманитарном знании, в представлении нации просто не хватает ни слов, ни «объясняющих схем» для того, что, в соответствии с теорией, не должно происходить. Для модернистских теорий нации и национального, представляющих нацию как гражданскую ассоциацию («политическая нация») [2], то есть редуцирующих «субстанциальное» национального к социальному, подобный рост является неожиданным. Если на периферии «запада» еще можно довольствоваться традиционными объяснениями (национальная форма социального конфликта обусловлена неразвитостью социальных и политических институтов и, следовательно, механизмов разрешения социальных конфликтов, которые, вследствие такой недоразвитости, проявляются в традиционных формах, из которых национальная – самая близкая и привычная: при всех возможных усложнениях, схема объяснения принципиально инвариантна (например, М. Калдор [3]), то применительно к «центру цивилизации», относительно которого можно быть уверенными в том, что национальные конфликты регулируются посредством развитых политических механизмов преимущественно в легальной форме, традиционные объяснения причин подобных конфликтов явно недостаточны и основанная на таких объяснениях политика все менее успешна.

Принципиально возможными являются две стратегии познания:

- во-первых, можно ревизовать основоположения модернистских теорий нации и национального [4], прежде всего – представление о природе «этнического» и его связи с «национальным»;
- во-вторых, радикализировать модернистское представление нации и национального – до снятия «идентичности», «групповости», «категориальности» (перечисление Р. Брубейкера [5]) и, таким образом, представить нацию не только как «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон [6]), но как сообщество без признаков действительной («натуральной») социальной группы и вне «коллективной идентичности», то есть – со свободно конструируемыми границами и бесконечно пластичным составом.

Интересные сами по себе в теоретическом отношении, названные стратегии различным образом определяют национальную политику. Однако выбор между ними жестко детерминирован: в безраздельно господствующей либеральной идеологии («либеральной метафизике», К. Шмитт [7]) в экономической парадигме политического (Дж. Агамбен [8]) признать «этнический субстрат» неразрешимым, одновременно и в необходимой связи друг с другом, в историческом и социальном, то есть отказаться от политического понятия нации как гражданской ассоциации, невозможно.

В представленной статье мы пытаемся ответить на два вопроса:

- во-первых, почему альтернатива конструктивистской радикализации модернистского представления нации и национального не может даже рассматриваться;
- во-вторых, определяем суть конструктивистского представления нации и границы его значимости.

Таким образом, задача – довести господствующее представление до его очевидности, продемонстрировать необходимость конструктивистской ревизии модернизма, указать на границу значимости – т. е. осуществить философское истолкование представления нации в экономической парадигме.

Термин «экономическая парадигма политического» был использован Дж. Агамбеном в работе «Царство и слава: К теологической генеалогии экономики и управления» [9] для обозначения одного из двух наличных в западной традиции способов представления социальной действительности. От аристотелевского определения «ойкоса» как способа организации политического пространства (полиса) «по образцу» домашнего хозяйства, где домовладелец определяет *место* и *функцию* всего, что входит в его состав, через христианские представления о Боге в его отношении к управлению тварным миром и до современности, когда экономическая парадигма окончательно утвердилась в качестве господствующей в ее «либеральной версии»: «экономическая парадигма политического» определяет *порядок* и способ его *представления*, т. е. является схемой взаимосвязи радикальных, «мифических» понятий. К. Шмитт утверждает, что в них совпадают реальное и действительность (*essentia* и *existentia* западной метафизики). В определенном таким способом порядке, как утверждали, например, М. Вебер и К. Шмитт, политика снимается в управлении (управление государством принципиально не отличается от управления предприятием [10]); истина заменяется «организацией истины» в бесконечной публичной дискуссии (суть «либеральной метафизики» – К. Шмитт); любые различия, сведенные к интересам, интерпретируются в экономических терминах и, таким образом, могут непосредственно рассчитываться и сравниваться количественно; суверенное решение исключается «принципом верховенства права», а сам суверен «упраздняется» как невозможный (В. Беньямин) или «игнорируется» (К. Шмитт); политической формой подобной организации порядка является государство управления (К. Шмитт [11]).

Можно было бы продолжать перечисление, но приведенных характеристик вполне достаточно для того, чтобы объяснить единственно возможный способ представления *нации* и *национального* в экономической парадигме политического. По разделяемой большинством либеральных авторов «легенде», основоположения либерального понимания нации и национального определены в «клетке», проложенной политической философией И. Канта [12]: разумность как «дифференциальный признак» человечности универсален; особенности определены социально-исторически и как таковые лишены субстанциальности – разумный субъект в политической философии предстает как *гражданин*, автономность которого обуславливает свободу выбора «национального» и относящихся к нему особенностей почти в любой комбинации; «идентичность» пластична, и если речь идет о «групповой национальной идентичности», то только в связи с добровольным вступлением индивида в гражданскую *ассоциацию* (иногда ссылаются на приведенное Ф. Теннисом различие «общности» и «общества» [13]). Ничего природного, *естественного*, а тем более определяемого как *судьба*, в нации не может быть.

И. Валлерстайн в перспективе своего «обновленного марксизма» и теории мир-системы со свойственной ему отчетливостью различает «расу», «нацию» и «этническую группу». Высказанные им определения по сути действительны для любой разновидности либеральной теории нации. «Многообразные “сообщества”, к которым мы все принадлежим, чьих “ценностей” придерживаемся, по отношению к которым подтверждаем нашу “лояльность”; “сообщества”, определяющие нашу “социальную идентичность” – все они как один суть исторические конструкторы» [14, с. 263]. Такие конструкторы находятся в постоянной реконструкции; эти «лояльности, идентичности никогда не являются изначальными, так что любое историческое описание их структуры или их развития через века необходимо оказываются первичным образом определенными идеологией настоящего времени» [15]. При этом, отмечает Валлерстайн, «категории, различающие социальные слои или социальные группы и применяемые в научном обиходе, многочисленны, зачастую пересекаются и остаются неясными. Мы сталкиваемся с такими терминами, как класс, каста, национальность, гражданство, этническая группа, племя, религия, партия, поколение, разряд и раса. Не существует никаких строгих дефиниций – скорее наоборот. Лишь немногие авторы пытаются хотя бы соотнести эти термины между собою» [16, с. 221]. Однако минимальное общее согласие относительно соотношения «расы», «нации» и «этничности» достигнуто: под «расой» можно разуметь «генетически непрерывную группу», под «нацией» – «историческую социально-политическую группу», под «этносом» (что особенно важно в связи с нашей постановкой вопроса) – «культурную группу», – именно «социальные категории» [17, с. 93]. Очевидность этого утверждения обусловлена: идея «автономного субъекта», который предстает в политическом как гражданин, является основополагающей для представления нации как гражданской ассоциации на основе свободного выбора, который именуется в этом случае гражданской лояльностью.

К. Хьюбнер, один из немногих, кто утверждает, что гражданской лояльности совершенно недостаточно для действительности нации [18], что нация мифична, тем не менее выстраивает свою теорию нации таким образом, чтобы сохранить конститутивность «свободного выбора» автономного индивида. В целом теории нации в «либеральной метафизике» выстраиваются в перспективе утверждения, сформулированного Дж. Ролзом [19] и названного им «пересекающимся консенсусом»: для «еврея, мусульманина и европейца», живущих «в современности», важнейшее значение имеет то, что для них «общее», чем то, что их «разделяет»; с опорой на это «общее» как основу консенсуса следует постепенно снимать расхождения. Ф.Р. Анкерсмит [20] уточняет, что при невозможности достижения консенсуса следует стремиться к компромиссу. Однако, по мнению всех перечисленных авторов, есть ценности, которые не подлежат ревизии и должны гарантироваться «институционально», властью (Ролз, Анкерсмит, Эльстер [21]). Это ценности, которые следуют из свободы автономного субъекта как гражданина. Таким образом, нация не может пониматься как «естественная общность», но должна быть представлена как «гражданская ассоциация». Признание, например, вслед за Л.Н. Гумилевым [22], «природности» этноса как географического и даже биологического феномена абсолютно невозможно в господствующей либеральной парадигме и потому даже не обсуждается иным образом как «критика нацизма», но возможность представлять этнос как «природный феномен» (например, в горизонте «понятия политического» как «исторический народ») сама по себе указывает на границу очевидности, за которой модернистские и конструктивистские утверждения о нации и национальном не имеют значения.

Итак, поиск выхода из концептуальных затруднений, вызванных расширением областей, охваченных *национальными конфликтами*, и предопределен, и ограничен: он осуществляется строго в рамках, заданных либеральной метафизикой, в действительности представленной в экономической парадигме политического; модернизация *либеральной повестки* по нации и национальному осуществляется посредством *радикализации* модернистских теорий нации, в *конструктивизме*.

Смысл радикализации в том, чтобы устранить из представления нации и национального «остатки» натурализма; именно к этому сводятся усилия Р. Брубейкера при выстраивании последовательно конструктивистского подхода к анализу нации и национального*.

Во-первых, Брубейкер полагает *когнитивистский подход* пригодным для решения определенной задачи. Во-вторых, хотя он не сомневается, что феномены, «называемые расой, этничностью и нацией» «принадлежат к важнейшим социальным и культурным структурам» и «к важнейшим социальным и политическим движениям современной эпохи» [23, с. 167], но отличие конструктивистского подхода заключается в том, чтобы рассматривать эти феномены посредством их проявления в повседневных практиках: они существуют «лишь благодаря тому, что каждодневно воспроизводятся в обычных способах мышления, разговора и действия бесчисленных неизвестных индивидов». Наконец, Брубейкер утверждает, что неплодотворно исходить из различения «гражданских» и «этнических» наций, но с последовательного проведения работы по аналитическому упорядочению от деятельности по нормативному оцениванию» [24, с. 265]; нормативное должно быть в любом случае сохранено в той степени, в какой мы заинтересованы в обосновании политических целей в отношении нации и национализма. Основная задача, как ее определяет Брубейкер, сводится к тому, чтобы в противоположность естественности точки зрения здравого смысла понимать нацию, этнические столкновения, этнический конфликт как группы и столкновения групп, показать, что аналитическое (научное) исследование может и должно обойтись без «групповости», «этнический конфликт – или то, что лучше было бы называть этнизированным или этнически фреймированным конфликтом – не обязательно нужно понимать как конфликт между этническими группами», что «характер понимания, интерпретации и репрезентации конфликта и насилия в значительной мере зависит от господствующих интерпретативных фреймов» [25, с. 41].

Итак, задача формулируется как «выработка способов анализа этничности, не требующих обращения к ограниченным группам» [26, с. 17], решение которой предполагает «приверженность к разукрупняющим способам анализа, которые, однако, не ведут к онтологическому или методологическому индивидуализму», когда «альтернативой субстанциалистской идиоме ограниченных групп выступает не идиома индивидуального выбора, а скорее реляционный, процессивный и динамический аналитический язык» [27, с. 18]. Речь идет об утверждении исследователя на «когнитивной точке зрения» и последовательном проведении когнитивного подхода в анализе феномена нации и национализма (и связанных с ними предметов). Когнитивистские подходы, утверждает Брубейкер, дают возможность исследовать нацию не как группу (вещь), сущность, но как точку зрения на действительность, могут способствовать прогрессу конструктивистских исследований этничности, чтобы не ограничиваться утверждением о том, что этнос, нация конструируются, но «помочь определить, как они конструируются»: «они могут помочь определить, как и когда люди идентифицируют себя, воспринимают других и мир и истолковывают свои проблемы в расовых, этнических, национальных терминах» [28, с. 43]; «они могут помочь определить, как “групповость” “кристаллизуется” в одних ситуациях и остается латентной и всего лишь потенциальной – в других. И они могут помочь связать результаты макроуровня с процессами микроуровня». Когнитивистские подходы могут содействовать преодолению группизма в теории (через отказ от субстанциализма, трактовку национальных групп как «коллективных культурных репрезентаций, как широко распространенных способов рассмотрения, понимания, анализа социального опыта и интерпретации социального мира» [29, с. 152] и объяснить упорное использование группизма на практике, его влияние на социальное воображение. «Вместо того чтобы понимать социальный мир субстанциалистски, как совокупность расовых, этнических и национальных групп, т. е. вместо не критического восприятия народной социологической онтологии, играющей центральную роль в расовых, этнических и национальных движениях, когнитивные установки обращаются к социальным и ментальным процессам, которые лежат в основании понимания и классификации социального мира в расовых, этнических или национальных терминах». Следует отказаться от «натурализма» в представлении наций как групп. Когнитивистский подход позволяет представлять «групповость без групп», и, соответственно, нация больше не будет пониматься как «категориальная общность»: «Вместо того чтобы принимать “группы” за базовые единицы анализа, когнитивные точки зрения переносят внимание аналитиков на “создание групп” и “группирующие” деятельности, такие как классификация, категоризация и идентификация. По самой своей природе категоризация создает “группы” и приписывает к ним членов; но

* Подробный анализ предпосылок конструктивистского представления нации и национального: Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Модернистский и конструктивистский способы концептуализации нации и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 273–291. 10.34823/SGZ.2020.2.51385; Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430–434. 10.46320/2073-4506-2020-8-147-430-434.

созданные таким образом группы не существуют независимо от бесчисленных актов категоризации, публичных и частных, благодаря которым они удерживаются изо дня в день. Раса, этничность и национальность существуют только в наших восприятиях, интерпретациях, представлениях, классификациях, категоризациях и идентификациях – и только через них. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения на мир, не онтологические, а эпистемологические реальности» [30, с. 153].

Отказ от «натурализма» в понимании идентичности, «групповость без групп», представление нации без того, чтобы говорить о «категориальной общности», позволяют выстраивать политическую стратегию решения национально фреймированного конфликта посредством того, что он называет «разукрупнением». При таком подходе можно снять «национальное фреймирование» и представить конфликт как социальный и даже как частный, т. е. как столкновение *индивидуальных интересов*, которые могут быть исчислены в терминах «выгод» и «издержек»; посредством подобных расчетов, конфликт снимается в *компромиссе*. Политическая риторика власти может стать эффективным инструментом управления таким конфликтом; он имеет *институциональное*, то есть *легальное* решение; основным способом здесь является *свободная публичная дискуссия*, т. е. удерживаются все требования, следующие из сущности представления социального в «либеральной метафизике». Разумеется, и этот упрек высказывали Брубейкеру, данная стратегия имеет своим следствием ослабление (или даже невозможность) коллективного социального действия, но в либеральной экономической парадигме политическое это тоже можно считать достоинством. Ф.Р. Анкерсмит утверждает, например, что важнейшей задачей для «спасения демократии» является *исключение* «прямого» политического действия (например, аккламации) и любых форм «прямой демократии»; любое коллективное действие должно быть *опосредовано* институционально в системе представительства: в этом суть его концепции эстетической политики.

Условием возможности реализации такой стратегии (и эстетической политики в целом) является наличие «базового консенсуса» относительно единства «политического тела», моменту учреждения которого приписывается окончательная неотменимость; т. е. революция (равно как и война) полагают границу действительности данного представления. Принципиальной особенностью представления социального в экономической парадигме политического является то, что такое социальное гомогенно, но его границы абсолютны и предполагают не признание «абсолютного Другого», но его устранение. Это – не война, которая возможна только между законными врагами, но полицейская операция против террористов. В любом случае, если вопрос о существовании/учреждении политического тела, последовательно вытесняемый на границы гомогенного сообщества «цивилизованного мира», вдруг обнаруживается в самом пространстве такого сообщества, то его решение есть вопрос силы, а не дискуссии; здесь проходит граница значимости представления нации и национального в экономической парадигме политического: в определяемой ей реальности и действительности и, таким образом, поиск «других ответов» на вызов становится не только исследовательской, но и политической необходимостью.

Однако экономическая парадигма политического жестко детерминирует как направление поиска, так и его содержание. На уровне научных дискуссий спору между, например, примондистами и конструктивистами предшествует решение о том, что «этничность» есть только «культурный феномен» и признак социальной группы; политика в экономической парадигме выстраивается исключительно как управление интересами. Парадигма всецело определяет представление; любая «научная объективность» есть следствие (например, как «условие возможности», если взять господствующий способ связи реального и действительного) из способа представления; аргументы имеют силу только изнутри парадигмы. Здесь может получить обоснование философское истолкование, но только как «настройка зрения», указание на границы, раскрытие места для спора (в греческом смысле «полюмос» – война, спор между «разными»), и никогда – как научная дискуссия. В разговоре о практическом значении философского истолкования уместно сослаться на М. Хайдеггера, который писал: «Науки все больше сливаются с повседневностью и тем самым становятся одновременно неважными и полезными, как булочные и канализация» [31, с. 121]; для тех же, кто всегда озабочен актуальностью и практической пользой, сам Хайдеггер признавал: «Простейшее философское познание в эпоху завершеного Нового времени – это знание, что и почему философия должна была сделаться невозможной и для этой эпохи остается ненужной» [32, с. 431].

Список источников:

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. 366 с.
2. Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24–31. 10.18522/1997-2377-2020-114-5-24-31.

3. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М., 2016. 412 с.; Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80. 10.25198/2077-7175-2020-4-70.
4. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Модернистский и конструктивистский способы концептуализации нации и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 273–291. 10.34823/SGZ.2020.2.51385.
5. Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. 408 с.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.
7. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // К. Шмитт. Понятие политического. СПб., 2016. С. 93–170.
8. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб., 2018. 552 с.
9. Там же; Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка. Книга 1. Глобальная перспектива и государство-нация суверенного народа в экономической парадигме политического / К.Г. Мальцев, А.Л. Алавердян, Л.Л. Ломако [и др.]. Белгород, 2020. 727 с.
10. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Господство. М., 2016. 542 с.
11. Шмитт К. Легальность и легитимность // К. Шмитт. Государство: Право и политика. М., 2013. С. 221–306.
12. Кедури Э. Национализм. СПб., 2010. 136 с.
13. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002. 452 с.
14. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004, 288 с.
15. Там же. С. 263.
16. Там же. С. 221.
17. Там же. С. 93.
18. Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. Москва, 2001. 400 с.; Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 472–476.
19. Rowls J. Political Liberalism. New York, 1996. 525 p.
20. Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация. М., 2012. 288 с.; Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., 2014. 432 с.
21. Эльстер Ю. Кислый виноград: Исследование провалов рациональности. М., 2018. 296 с.
22. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2006. 510 с.
23. Балибар Э., Валлерстайн И. Указ. соч. С. 167.
24. Там же. С. 265.
25. Там же. С. 41.
26. Там же. С. 17.
27. Там же. С. 18.
28. Там же. С. 43.
29. Там же. С. 152.
30. Там же. С. 153.
31. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М., 2018. 528 с.
32. Там же. С. 431.

Информация об авторах

А.Л. Алавердян – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия.

К.Г. Мальцев – доктор философских наук, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия.

Information about the author

A.L. Alaverdyan – PhD, Associate Professor, Theory and Methodology of Science Department, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

K.G. Maltsev – D.Phil., Professor, Theory and Methodology of Science Department, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.03.2021;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.04.2021;
 Принята к публикации / Accepted for publication 13.05.2021.